

ПОЛОНЕЗ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЕБ ЛИТВЫ

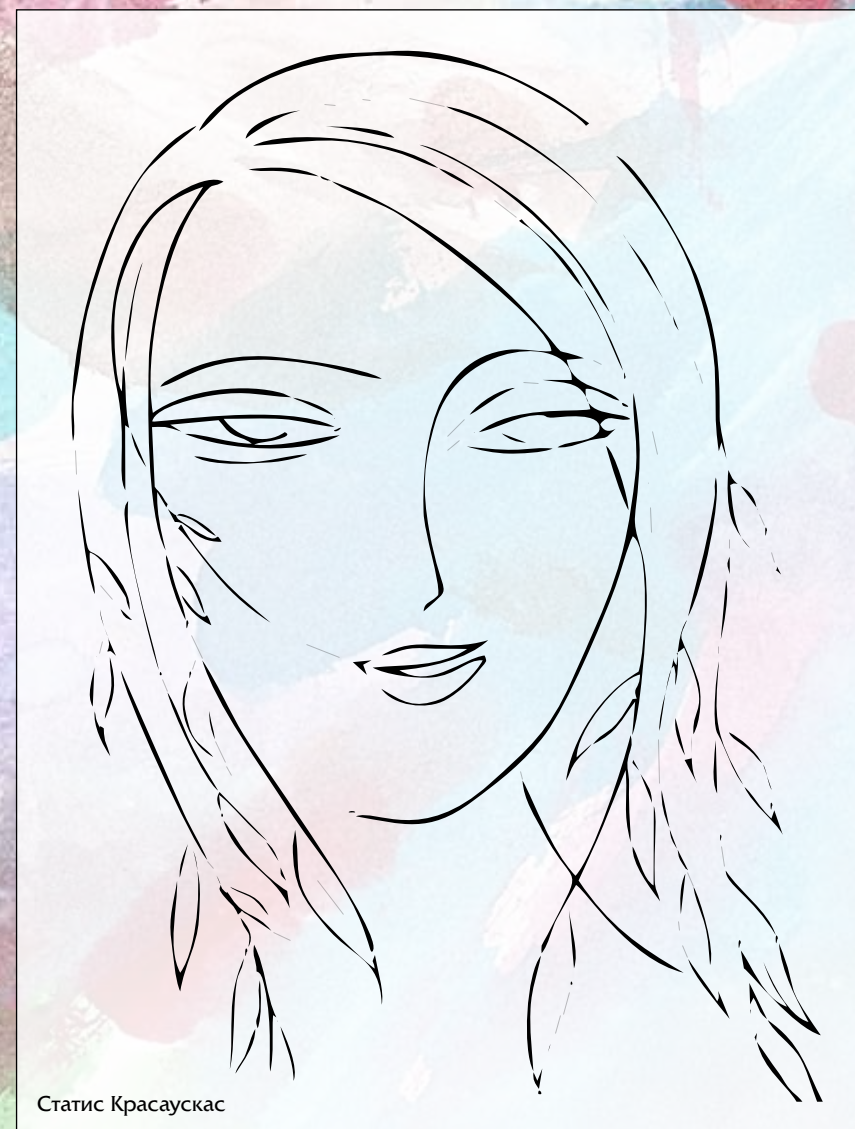

ЧЕСЛОВАС ЛАУРИНАВИЧЮС
ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК
ЛИТОВСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

Институт балтийской цивилизации, созданный два года назад фондом «Янтарный мост» под патронажем академика РАН Александра Чубарьяна, аккумулирует научные исследования и фундаментальные труды историков стран Северной Европы. В библиотеке ИБЦ появились и первые совместные издания, подготовленные сотрудниками Института всеобщей истории РАН, которым руководит российский академик, и авторитетными учеными из Эстонии, Латвии и Литвы. Профессор Литовского института истории Česlovas Лавринавичюс любезно предоставил в распоряжение «Янтарного моста» свою новую публикацию.

СУТЬ ПРОБЛЕМЫ

Наши отношения практически со всеми соседями нельзя назвать хорошими. В 1990–1991 годах в России на нашей стороне была русская интеллигенция – мощный союзник, благодаря которому удалось вновь обрести государственность. Сегодня этого союзника больше нет. Со стороны Польши, нашего так называемого стратегического партнера, недавно довелось услышать отзыв о Литве, очень напоминающий высказывание о нас в 1935 году Гитлера. С Латвией, которая, к слову, по своей политике в отношении соседей не очень отличается от нас, до сих пор не имеем утвержденной морской границы (это уже отдельная история, которая началась с решения строить терминал в Бутинге, свидетельствующая о грубом провинциальном самосознании, признающем только позицию силы). И только с Белоруссией, как бы это ни казалось парадоксально, наши

Статис Красаускас

отношения в последнее время не ухудшились (может быть, потому что ухудшаться им уже некуда). Здесь я буду больше касаться отношений Литвы, России и Польши, тем более что треугольник отношений этих стран имеет глубокие исторические традиции.

ПРЕАМБУЛА

Во-первых, речь пойдет не о внешней политике в ее классическом смысле, а скорее об отношениях между соседними государствами, отражающимися в публичном пространстве. Все-таки в наше время публичная дипломатия составляет большую часть всей внешней политики.

Во-вторых, следует разъяснить свою идентификационную позицию. Я являюсь сторонником национального демократического литовского государства. Литва с ее сегодняшними границами для меня неизменная величина. Ос-

новным субъектом в государстве является литовский народ. Литовское государство – единственное место в мире, где литовцы могут существовать как политическое сообщество. Политическая система – демократия (по теперешней Конституции) – непреложная ценность. Стратегический выбор во внешней политике – членство в НАТО и ЕС, поскольку это демократические организации и поскольку Литва ментально сильнее связана с цивилизацией Запада. Следовательно, участие в этих организациях в принципе должно было бы укреплять литовское государство, а не ослаблять его.

С другой стороны, сегодняшнее литовское государство считаю не только проектом политиков, но и результатом всего сложного исторического развития. Одной из существенных особенностей литовского госу-

дарства является тот факт, что оно находится на рубеже между цивилизацией Запада и православною (русской) цивилизацией. Такое положение предполагает неустойчивость, и это является одной из причин выбора членства в западных организациях в качестве стабилизирующего фактора. Но положение на рубеже цивилизаций, по моему мнению, должно бы быть не только проблемой, но и преимуществом. Основное доказательство этого преимущества – сам факт создания литовского национального государства: по моим сведениям, это произошло не так, как сегодня любят представлять, утверждая, что Запад якобы это создание поддерживал, а Восток мешал. Скорее это произошло из-за сложности взаимодействия между ними. Поэтому полагаю, что международной функцией Литвы должно стать дальнейшее развитие или хотя бы поддержка этого взаимодействия, а ни в коем случае не его трансформация в конфронтацию.

Считаю необходимым объяснить свою идентификацию потому, что имеются и другие вариации. Например: а) мы часть Европы; сегодняшнее литовское государство – случайность, его появление морально никого не обязывает; б) литовский народ как политическое сообщество – фикция, а реальны только группы интересов; в) литовцы – не-государственный этнос, для него безопаснее было бы, наверное, жить под протекторатом России. Возможны и другие варианты идентификации, и все они, к сожалению, являются реалиями современной Литвы.

В-третьих, основным субъектом на международной арене, несомненно, остается государство, а не политическая система, как иногда может казаться. Уважение к другому государству – основа общения; внутренняя политическая система государства – второстепенное дело, по которому следовало бы объединять союзников, а также максимально избегать создавать врагов.

ПАРАДИГМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Прибегну к авторитету Генри Киссинджера, который, по моему мнению, является одним из самых уважаемых специалистов по внешней политике. Он выделяет две основные парадигмы.

Парадигма свободного балансирования.

В процессе исторического развития были разные ее проявления, но после «холодной войны» она приобрела форму концепции добро-

соседства. Добрососедство – один из принципов триады (наряду с демократической политической системой и свободным рынком), обусловивших наше членство в НАТО и ЕС. Концепция добрососедства важна с точки зрения безопасности для всего региона Центральной Восточной Европы (ЦВЕ) и особенно для государств Балтии. При подготовке к вступлению в НАТО эксперты нам объясняли: хорошо ладить с соседями – означает быть не только и не столько потребителями безопасности, но и ее производителями. Практически это означало признание неприкосновенности границ, установку на сотрудничество в области экономики, свободную дискуссию в области идей. Следовательно, по концепции добрососедства практиче-

Одной из существенных особенностей литовского государства является тот факт, что оно находится на рубеже между цивилизацией Запада и православной (русской) цивилизацией.

ски все государства ЦВЕ, получившие независимость, подписывали соглашения со своими соседями. Кстати, некоторые из этих государств дополнительно договорились взаимно отмежеваться от негативной практики в истории их отношений. Так сделала и Литва в своих отношениях с Польшей и Германией. И самое главное, что дает добрососедство, – возможность свободно балансировать. А балансирование – это основа выживания любого живого существа, то есть основа безопасности.

Парадигма жесткого союза. Это парадигма отказа от балансирования. Генри Киссинджер установку на жесткий союз считает одной из основных причин возникновения конфронтации и вероятности войны. В случае Литвы переход к парадигме жесткого союза совпал со вступлением в НАТО и ЕС. Но смею утверждать, не эти организации как таковые предполагают отказ от свободного балансирования. Потому что практически у каждого члена этих организаций имеются своя политика и свои границы балансирования.

Литву можно отнести к исключениям. Литва во внешней политике, по крайней мере, в публичном пространстве, зарекомендовала себя как самая яркая пропагандистка и защитница ценностей западных демократий. О такой заангажированности Литвы свидетельствует ее вовлеченность в идеологические кампании,

которые в контексте международной политики обуславливают конфронтацию. Кстати, хотя конфронтационные кампании, в кото-

рые вовлечена Литва, направлены против так называемых «недемократических режимов», однако их негативное воздействие Литва испытывает не только в отношениях с Россией и Беларуссией, но и с другими государствами. И прежде всего – с Польшей.

КОНФРОНТАЦИОННЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ

Распространение демократии на Восток. В контексте одной из кампаний Литва во внешней политике была одержима идеей-фикс воссоздать Великое княжество Литовское (ВКЛ), то есть, опираясь на исторические реминисценции, добиваться объединения территорий, на которых сейчас

существуют государства Украины, Белоруссии, Польши. Практически это означало игнорирование системы существующих государств, исторических и политических реалий, со всеми вытекающими последствиями. То есть ориентацию на вероятное изменение границ, трансформацию существующих де факто национальных идентитетов, игнорирование Белоруссии как государства, конфронтацию с Россией.

Сегодня, когда эта кампания уже выдохлась, в публичном пространстве еще можно нередко встретить ностальгические воспоминания по поводу её, так называемых, позитивных аспектов. И прежде всего ностальгию по якобы хорошим отношениям с Польшей во время этой кампании. Но такими они складывались по большей части потому, что в определенных польских слоях существовала надежда, будто в результате «восстановления» Великого княжества Литовского идентитет националистической Литвы будет трансформирован в идентитет «Речи Посполитой» и с проблемой «литвинов» будет, наконец, покончено. (Речь Посполитая – федерация Королевства Польского и Великого княжества Литовского, возникшая в результате Люблинской унии в 1569 году и ликвидированная в 1795 году с разделом государства между Россией, Пруссией и Австрией. – Прим. ред.)

Кстати, концепция восстановления ВКЛ была развита тогда, когда у власти находились левые, и, как недавно мне объяснил один из апологетов такой парадигмы, она якобы имела целью воспрепятствовать усилению в Литве этнического национализма. По такой логике получалось бы, что реально существующее государство очень легко заменить идеей-фикс. Сейчас вроде бы отказались от идеи восстановления ВКЛ, но продолжают другие конфронтационные идеологические кампании.

Приравнение сталинизма к нацизму. Эта идеологическая кампания набрала скорость в Литве, когда во власти укрепились правые. Несомненно, что их вовлечение в конфронтационную кампанию было обусловлено интересами как внешней, так и внутренней политики.

Кампания приравнения сталинизма к нацизму опирается на историческую правду реального сходства между сталинизмом и нацизмом, особенно в том, что касается массового истребления людей. Но имеются и различия. Прежде всего, у этих систем были разные цели: доктрина коммунизма выдвигала утопическую цель сделать счастливыми людей всего мира, с точки зрения национальности она была ин-

дифферентной и даже альтруистической. А нацизм право на будущее программировал только немцам и представителям арийской расы. Стало быть, это была доктрина абсолютно эгоистическая. Не менее важно и другое обстоятельство: нацизм совершил холокост, а советский солдат, нравится это кому-то или нет, открыл ворота Аушвица (Освенцима).

Но суть здесь не в исторической памяти и не в теоретическом дискурсе, который, по моему разумению, позволял бы и сравнивать эти системы, и их соответственно оценивать. Суть в эскалации проблемы с тем, чтобы добиться не только исторических и моральных рефлексий, но также политических и правовых последствий. Россия, как родина практического коммунизма, объявляется ответственной за сталинские преступления. Апологетов этой кампании уже не интересует ни то, что Россия больше, чем любая другая страна, пострадала от коммунизма, ни то, что в сегодняшней России все же немало делается для расширения демократического подхода к своей истории.

Эта кампания – лишь идеологическая подготовка к возможному изменению соотношения сил... И можно только гадать, какие последствия этого изменения могут быть уготованы Литве.

Отчасти об этих последствиях можно догадываться, более глубоко поразмыслив о логике упомянутой кампании. Эта логика направлена не только против России, но и парадоксально против Литвы. Хотя Литва вместе с Латвией и Эстонией и претендуют на лидерство в ее осуществлении, но историческая правда такова: в укреплении большевизма в России относительно большую роль сыграли также народы Прибалтики, прежде всего латыши и литовцы, в меньшей степени эстонцы. (Сторонников большевизма среди литовцев насчитывалось до 300 тысяч).

Статис Красаускас

Нацизм совершил холокост, а советский солдат, нравится это кому-то или нет, открыл ворота Аушвица (Освенцима).

Еще более важной была бы другая констатация: возникшие после 1917 года независимые государства Литвы, Латвии и Эстонии первой признала именно Советская Россия, а все другие, особенно великие демократические государства, избегали это делать. Вашингтон объявил эти документы о признании большевиками прибалтийских государств ничтожными (недействительными). Но у времени – своя правда. В промежуток между 1920 и 1939 годами именно соглашения, подписанные между Литвой и Советской Россией, послужили для Литвы правовой основой и опорой во внешней политике. Возникает вопрос: как упомянутые исторические факты следует коррелировать при осуждении России? Какой мог бы быть для литовского государства результат «осуждения» России? Похоже, что и в этом случае, как и в кампании по воссозданию ВКЛ, заболел идеей-

фикс, на карточный стол бросают основы литовского государства.

Достойна внимания в этом контексте и роль Польши. Хотя она также активно осуждает сталинизм, в польской государственной стратегии роль этой кампании далеко не такая, как в Литве. В Польше заметили, что в Литве кампания по воссозданию ВКЛ выдохлась (кроме этого приняты во внимание изменения в администрации США). После этого Варшава сделала существенные изменения в своей стратегии. Тогда сразу начали улучшаться отношения с Россией. И тогда мы услышали, что на самом деле о нас думает политическая элита Польши.

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНАЛОГИЯ

Представленные здесь контуры внешней политики сегодняшней Литвы очень напоминают мне политику межвоенного периода и ситуацию, которая складывалась в четвертом десятилетии минувшего века. Тогда так же была развернута конфронтационная кампания под флагом «борьбы европейской цивилизации против азиатского варварства». Кампания охватила практически всю Европу и особенно страны ЦВЕ. Но большинство этих стран в той ситуации сумели всё же более или менее балансировать; у них имелись дипломатические резервы, а также возможности отступления при изменении ситуации. Особенно в этом смысле отличилась Польша.

Государствами же, безапелляционно втянувшимися в упомянутую кампанию, были три прибалтийские страны. Правда, следовало бы признать, что тогдашняя власть Литвы в эту кампанию была вовлечена, очевидно, против своей воли. Так или иначе, позиция государств Балтии в предвоенный период объясняет достаточно хорошо, почему **только** эти три государства вынуждены были надолго исчезнуть с политической карты Европы.

Аналогия с теми временами просматривается и во внутренней политике. По крайней мере, в Литве тогдашние политические силы поддавались внешним воздействиям, преследуя не столько государственные, сколько партийные интересы – как власть удержать или как ее заполучить. Последнее обстоятельство, безо всякого сомнения, дополнительно способствовало печальной участи государств.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

1. Улучшать отношения с Польшей

Прежде всего, хотел бы упомянуть положительные аспекты нашего поведения: на вышеупомянутые выпады со стороны Польши такими же выпадами мы не ответили. Это на удивление позитивное проявление нашего поведения, особенно если иметь в виду, какие манеры мы демонстрируем, прежде всего, в отношении восточных соседей или, как это было недавно, в отношении Австрии. (Имеется в виду реакция части политического истеблишмента на отказ Австрии выдать Литве участника штурма телебашни в Вильнюсе

В промежуток между 1920 и 1939 годами соглашения, подписанные между Литвой и Советской Россией, послужили для Литвы правовой основой и опорой во внешней политике.

Михаила Головатова. Кроме словесных оскорблений имели место предложения разорвать с Австрией дипломатические отношения, бойкотировать товары. – Прим. ред.)

Пожалуй, основная и видимая причина ухудшения отношений с Польшей – это проблемы положения польского меньшинства в Литве. Стремясь двигаться в сторону улучшения отношений с Польшей (поляками), я предложил бы такие направления, которые могут показаться неожиданными:

– прекратить эскалацию темы пакта Молотова-Риббентропа. Нравится это кому-то или нет, но последствием этой эскалации может стать появление стереотипа, что границы предвоенной Польши были законными. Такой стереотип возрастает в сознании поляков Литвы, он культивируется и в мировой академической литературе (прежде всего, наших так называемых стратегических партнеров). Поэтому нечего удивляться, что местные поляки до сих пор идентифицируют себя с польским государством;

– опираясь на демократические принципы, а не на односторонние декреты, вести диалог с польским национальным меньшинством в Литве. Создать соответствующую правовую базу и атмосферу согласия, на которых могли бы базироваться принципы хорошего сосуществования с польским меньшинством. Для того чтобы это сделать, прежде всего, надо договориться, кто мы такие – литовцы в

Литве, являемся ли титульной нацией, ответственной за свое государство, или мешком картошки с надписью «Литва».

2. Находить общий язык с Беларуссией. Для этого:

- помогать тем, для кого существующий там строй невыносим (а не тем, кто стремится паразитировать на помощи);
- уважать мнение большинства белорусов, которые пока что голосуют за существующий там строй;
- найти баланс между уважением к государству и критикой системы.

3. Добрососедствовать с Россией. Для этого:

- прекратить эскалацию исторической тематики, составление перечня нескончаемых обвинений России и начать осознавать и оценивать свою трагическую роль в XX веке, роль народа и государства, а не отдельных групп;
 - уважать русский народ и русское государство;
 - в столкновении глобальных сил придерживаться союзнических обязательств с условием, что это не повредит добрососедству.
- Разумеется, подобные условия требуют и сильной воли, и хорошо продуманной логики. Но если не будет у нас своей логики, будем иметь чужую...

Перевод с литовского
Галины Афанасьевой

ДОСЬЕ. Известный литовский историк, доктор гуманитарных наук Чесловас Лауринавичюс родился в 1952 году в Каунасе. Окончил Вильнюсский университет в 1977 году. Стажировался в Гётеборгском университете. Преподавал историю на историческом факультете Вильнюсского университета, в Литовском институте международных отношений и политологии, в Университете Витаутаса Великого и Каунасском технологическом институте. В настоящее время является заведующим отделом истории XX века в Литовском институте истории. Ведущий специалист по истории отношений СССР и Литвы.